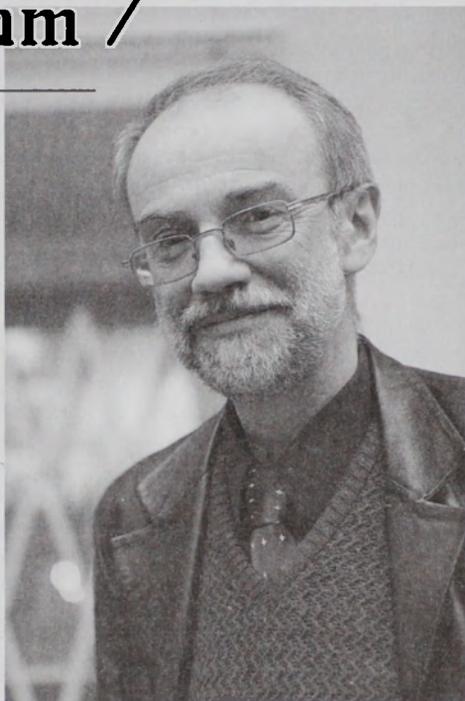

In Memoriam /

/ Памяти

**ВЛАДИМИР ПАВЛОВИЧ
ДЕНИСЕНКО**

(26. 11. 1953, ЛЕНИНГРАД —
15. 07. 2006, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

15 июля 2006 г. скоропостижно скончался заведующий кафедрой истории славянских и балканских стран, кандидат исторических наук, доцент Владимир Павлович Денисенко.

Он родился 26 ноября 1953 года в Ленинграде в семье работников Октябрьской железной дороги. В 1971 г. окончил среднюю школу № 267 Ленинского района, в 1972 г. — техническое училище № 40 по специальности радиомонтажник, сразу же после техучилища поступил работать по специальности в ПИИ «Аврора». В ноябре 1972 г. был призван в ряды Советской Армии, в ноябре 1974 г. уволился в запас в звании старшины.

В декабре 1974 г. Владимир Павлович поступил на подготовительное отделение истфака ЛГУ. С 1975 по 1980 г. был студентом исторического факультета ЛГУ и окон-

чил его по специальности «историк, преподаватель истории». Он получил направление на работу на кафедру истории КПСС в Ленинградский государственный педагогический институт им. А. И. Герцена, где в 1980 г. получил должность ассистента.

В 1982 – 1985 гг. Владимир Павлович учился в очной аспирантуре при кафедре истории КПСС ЛГПИ им. А. И. Герцена. В мае 1986 г. он успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Роль партийно-советской периодической печати в осуществлении политики партии в отношении старой интеллигенции (1917–1920 гг.)». С 1988 по 1997 г. работал на должности доцента той же кафедры, где учился в аспирантуре. В 1992–1997 гг. одновременно с преподавательской деятельностью занимал пост начальника организационно-методического отдела Учебно-методического объединения педвузов России Министерства образования РФ. В 1992–1997 гг. он был председателем участковой избирательной комиссии Центрального района Санкт-Петербурга.

В 1998–2006 гг. Владимир Павлович работал на историческом факультете СПбГУ, сначала на кафедре для преподавания истории на естественных и гуманитарных факультетах, а с сентября 2002 г. — на кафедре истории славянских и балканских стран. В 2003 г. он был избран заведующим этой новой для истфака СПбГУ кафедры. Учебные планы и программы, помещение для кафедры, кадровый состав, направления научной работы, наконец, сама атмосфера на кафедре и стиль кафедральной жизни — во всем этом была определяющая роль Владимира Павловича Денисенко. Если основателем кафедры был Андрей Юрьевич Дворниченко, сегодня занимающий должность декана исторического факультета СПбГУ, то Владимир Павлович фактически создал ее в том виде, в каком она существует по сей день. Кроме того, он был одним из главных создателей Центра исторической психологии, который получил статус межфакультетского научного подразделения.

Владимир Павлович Денисенко — автор 50 научных печатных работ. Среди них надо выделить учебник для 11 класса средней школы «История Отечества» (в соавторстве с В. С. Измозиком и В. П. Островским). В последние годы Владимир Павлович работал над докторской диссертацией о культурных связях России и Польши в XX в., между двумя мировыми войнами. Его научные разработки в 2006 г. получили поддержку РГНФ, но, увы, остались незавершенными...

Светлая память о Владимире Павловиче Денисенко навсегда сохранится в сердцах его друзей, коллег, учеников. Ниже публикуются несколько воспоминаний об этом замечательном человеке.

Редколлегия

А. Ю. Дворниченко

«МНЕ БУДЕТ СИЛЬНО НЕДОСТАВАТЬ ЭТОГО ЧЕЛОВЕКА...»

Не помню своей первой встречи с Владимиром Павловичем. Такое ощущение, что знал его с детства, хотя познакомились мы только в университете, да и шли туда разными путями. Он после армии поступил на подготовительное отделение, а я, не набрав в первое поступление нужного количества баллов и отработав год на стройке, со второго раза преодолел конкурсный барьер.

На историческом факультете мы оказались на разных кафедрах. Пройдя через увлечение археологией, он обосновался на кафедре истории КПСС, а я, оставив свои археологические увлечения до лучших времен, пошел на кафедру истории СССР (досоветского периода). Тогда такое название никак не бросалось в глаза, и под руководством опытных педагогов можно было вплотную взяться за древнерусскую историю.

«Палыч» (так звали его друзья) был в постоянном поиске, менял темы научных занятий, но уже тогда глубоко интересовался историей славян. Толчком, наверное, послужила студенческая поездка в Польшу, по «обмену». Впрочем, он любил историю в целом, увлекался археологией, этнографией. Об истории он мог говорить часами.

В. П. Денисенко, 1970-е годы

Удивляла и его внешность. Он был, что называется, из «простой семьи», но выглядел как «принц с вандейковой картины», обладая тонкой костью и не менее тонким профилем. Мы встречались и в неформальной обстановке: на студенческих пирушках, во время переездных «толок», когда всем миром помогали ему перетаскивать с квартиры на квартиру нехитрый скарб. Как и большинство из нас в те годы, Володя любил шумную студенческую компанию, любил гитарный перезвон и песни старинного и всем тогда известного репертуара.

Учиться было страшно интересно, лекции читали корифеи, и Володя был одним из тех, кто самозабвенно отдавался учебе. Учеба нам нравилась, это было воплощение мечты, и мы мало интересовались действительностью, хотя она временами врвалась в нашу жизнь. Один из сокурсников стал довольно известным диссидентом, но о нем говорили с юмором, понимая, что «систему» изменить нельзя, хотя из комсомола не исключили и обструкции не подвергли. Наше поколение было, если не «потерянным», то «переломным». Нам пришлось взрослеть в эпоху

«застоя»; в идеалы социализма мы уже не верили, но и перспектив особых не видели. Мы были из тех, кому очень хотелось хлебнуть свежего ветра перемен.

Володя, по слухам, через этот ветер успел нажать и некоторые неприятности в институте им. А. И. Герцена, куда он пошел после окончания университета. Меня это не удивляет, так как он был очень непосредственным человеком и с активной жизненной позицией.

Когда на историческом факультете открывалась кафедра истории для преподавания на естественных и гуманитарных факультетах, я, зная высокий профессионализм Владимира Павловича, пригласил его на эту кафедру. Сам я тогда был ее заведующим и хотел, чтобы на ней работали хорошо подготовленные, увлеченные историей, да и просто хорошие люди. «Палыч» за прошедшие годы не изменился. Лекции, которые он читал на факультете журналистики и других факультетах нашего университета, всегда пользовались большим успехом у студентов.

Кадровая ситуация меняется, и в определенный момент вакантным стало место заведующего кафедрой истории славянских и балканских стран, которая была создана на нашем факультете и которой мне довелось определенное время руководить. У меня как у декана не было сомнения в том, кого пригласить на эту должность. И Владимир Павлович, говоря словами одного из героев, оказался человеком «на своем месте и в свое время». К сожалению, время это продлилось недолго.

Теперь, по прошествии времени видно — Владимир Павлович много сделал для кафедры. У него — питомца Петербургского университета — был истинно универси-

(Слева направо) В. Н. Барышищikov, А. Ю. Дворниченко, Э. Чапковский (ун-т г. Вроцлава), В. П. Денисенко.

тетский стиль руководства. Стиль этот отличался мягкостью, деликатностью, уважительным отношением к коллегам, но в то же время последовательностью и принципиальностью. Заведующий был неутомим в том, что сейчас принято называть «пиаром» кафедры. Он стремился установить многочисленные контакты как в стране, так и за рубежом. Как и все, кто занят серьезной административной работой, в свободное время он писал докторскую, которая была посвящена российско-польским культурным связям в XX веке —

теме весьма важной и актуальной. Если бы ему было отведено немного больше времени, он бы обязательно завершил эту интересную работу. Владимир Павлович был удивительно добрым и отзывчивым человеком. Он постоянно о ком-то заботился, о ком-то переживал, устраивал чью-то судьбу. У него было удивительное сердце. Оно и не выдержало нагрузки.

У него была замечательная манера общения — с юмором, шутками и прибаутками. Так и кажется, что вот сейчас он подойдет, посмотрит своими добрыми глазами и скажет: «Ну, что старина Хэнк?», цитируя О'Генри или еще кого-нибудь из классиков...

Мне, да, думаю, и многим, будет сильно не хватать этого Человека.

В. Н. Барышников

«БОЛЬШОЕ ВИДИТСЯ НА РАССТОЯНИИ...»

Известно изречение: «Большое видится на расстоянии». Со всей определенностью его можно отнести к памяти Владимира Павловича Денисенко. Чем дальше уходит от нас время с того момента, как не стало нашего коллеги, тем отчетливее видятся особые черты, характерные только для него, присущие именно ему. Они остаются в памяти, и, конечно, трудно в посвящаемых ему строках все это кратко передать.

С Владимиром Павловичем нас судьба свела лет десять тому назад, когда он начал работу на историческом факультете Санкт-Петербургского государственного университета. Не могу сказать, что сам этот момент мне особо за-

Д-р истории Б. Рок (ун-т г. Вроцлава) и В. П. Денисенко.

помнился. Владимир Павлович сразу обратил на себя внимание своей доброжелательностью, открытостью и способностью в общении оказать чисто дружескую поддержку. Постепенно я больше стал узнавать и об имевшихся у него проблемах. Нас в чем-то сблизило и то, что мы почти одновременно с 2003 г. оказались в руководстве кафедрами. К тому же и расположение кафедр истории славянских и балканских стран и истории Нового и Новейшего времени стало соседским. Получалось в работе так, что мы начали довольно регулярно встречаться, обсуждая насыщенные кафедральные дела и развитие общих творческих контактов.

Вспоминая о прошлом, хочется отметить, что весьма сближающим стало то, что Владимир Павлович тогда активно исследовал проблему советско-польских отношений в 1920-е годы. Это тема привлекала, поскольку очень тесно переплеталась с моими собственными творческими интересами, связанными с взаимоотношениями Польши со странами Северной Европы и Советским Союзом в межвоенное двадцатилетие. К тому же случилось так, что в последние годы жизни Владимира Павловича мы весьма

часто принимали участие в одних и тех же конференциях, научных семинарах и симпозиумах. Это, естественно, еще более сближало нас, поскольку нередко приходилось вместе выезжать в различные города России. Запомнились научные командировки в Москву, Калининград и за рубеж.

Припоминаю первую нашу совместную подготовку к поездке в Польшу, в город Вроцлав. Она должна была состояться осенью 2005 г. Эта была весьма ответственная командировка, поскольку, наряду с научной деятельностью, перед нами стояла задача также возродить прерванные ранее связи между историческим факультетом Вроцлавского университета и нашим факультетом. Тогда Владимир

Делегация СПбГУ в университете г. Вроцлава: (слева направо) В. Н. Барышников, А. Ю. Дворниченко, В. П. Денисенко.

Павлович много мне рассказывал о том времени, когда он, еще будучи студентом, участвовал в учебной поездке по Польше и побывал в то время во Вроцлаве. Мы строили совместные планы, как много нужно было сделать для того, чтобы заинтересовать наших будущих партнеров развитием сотрудничества. Предусматривалось вести речь о совместных конференциях, о научном обмене и, естественно, о студенческих контактах.

И вот тогда, когда наша подготовка к этой командировке вступила в завершающую стадию, Владимир Павлович неожиданно очень серьезно заболел. Но откладывать поездку было уже невозможно. Поэтому мне пришлось поехать в Польшу в одиночестве. Но я пообещал ему, что постараюсь сделать так, чтобы задуманное нами дело получило свое дальнейшее развитие. Хотелось, чтобы реализация нашего общего замысла благотворно повлияла и на его выздоровление.

Так впоследствии и получилось. Командировка оказалась на редкость результативной. Прошли важные встречи, переговоры, но неизменно на них я вспоминал о деле, у истоков которого находился Владимир Павлович, и о том центре по изучению истории славянских и балканских стран, который на нашем факультете тогда создавался. Все это дало желаемый результат. Процесс, что называется, пошел... Контакты начали устанавливаться, состоялся официальный обмен визитами на уровне руководства университетов и факультетов.

Владимир Павлович надежно подхватил начатое дело и смог закрепить достигнутые результаты. Благодаря его кипучей деятельности и способности расположить к себе коллег нам удалось не только заключить межфакультетский договор о сотрудничестве с Вроцлавским университетом, но и начать вскоре его реализацию. В этом плане в последние месяцы своей жизни Владимир Павлович активно приступил к организации уже совместной российско-польской конференции преподавателей исторических факультетов обоих университетов.

Приходится очень сожалеть, что первая удача из задуманного — проведение конференции — состоялась уже после ухода из жизни Владимира Павловича... Но, что

было очень приятно, память о нем сохранили и польские ученые. Коллеги из Вроцлавского университета неоднократно и с большой доброжелательностью вспоминали нашего друга, что является очевидным свидетельством тех заслуг, которые Владимир Павлович смог достигнуть за не столь продолжительный отрезок своей жизни.

О. Ю. Пленков

ВЛАДИМИР ПАВЛОВИЧ ДЕНИСЕНКО ГЛАЗАМИ СОКУРСНИКА И КОЛЛЕГИ

Талантливый человек талантлив во всем... Насколько светлый образ Владимира Денисенко сохранился в воспоминаниях сокурсников, он всегда был чрезвычайно обаятельным и открытым в общении человеком — в первую очередь именно в этом проявился его человеческий талант. Это подтверждает весь опыт нашего (его однокурсников, коллег и друзей) общения с ним.

Владимир, как и большая часть ребят нашего выпуска 1980 г. ЛГУ, поступал в университет после армии, поэтому прошел через рабфак, который представлял собой своего рода подготовительные курсы для поступления на факультет. Володя с того времени запомнился нам в новенькой форме старшины войск связи. Эта самая высшая для военнослужащих срочной службы должность совершенно не вязалась с его тогда еще почти детским лицом, а еще больше с его дружелюбной открытой и искренней, совсем не начальственной манерой поведения и общения.

Благодаря рабфаку, сплоченный коллектив у нас на курсе сложился еще до первой совместной поездки в колхоз «на картошку». Владимир принимал самое живейшее участие во всех рабфаковских и курсовых начинаниях. Студенческие годы — это, как известно, лучшее время в жизни любого человека уже в силу интенсивности общения с большим количеством сверстников, с которыми, в отличие от работы, не связывают никакие отношения иерархии. Это располагает к общению, приятни, в конце концов к дружбе. Владимир был в дружеских отношениях со многими из нашего курса, эта дружба сохранилась и после окончания университета. Как правило, он всегда был в курсе всех событий и принимал самое активное участие в беспокойной и насыщенной всевозможными перипетиями жизни. В процессе общения с ним не раз можно было убедиться в его живейшем интересе к истории, к гуманитарному знанию в целом.

Как передавали люди, знавшие его до университета, еще обучаясь в средней школе, Владимир заинтересовался историей и, как это часто бывало, у представителей нашего «романтического» поколения (близкого во многом «шестидесятникам») его первоначально привлекла археология. Также вполне вероятно, что по причине своей увлеченности внешне эффектной стороной дела и даже азартности первоначально он выбрал

для учебы кафедре археологии, но проучился там недолго. По медицинским показаниям он был вынужден сменить специализацию и перешел на кафедру истории партии, на которой и защищал дипломную работу.

У Владимира было очень важное для историка (да и не только для историка) качество — отличная память. Поэтому учился он довольно легко и поступил после окончания университета в аспирантуру в Ленинградский государственный педагогический институт им. А. И. Герцена на кафедру истории партии. Еще в студенческие годы определился круг его научных интересов: сам будучи до чрезвычайности мягким и интеллигентным человеком, он и занимался советской интеллигенцией. Помнится, с каким увлечением он делился своими впечатлениями от работы с журналом «Каторга и ссылка», который был одним из основных источников в процессе написания им диссертации. Его научным руководителем был крупный специалист по советской интеллигенции профессор РГПИ Валерий Степанович Волков. Частые встречи однокурсников в «Публичке» и БАН (на нашем курсе защитили диссертации более 30 коллег) довольно долго были причиной нашего тесного общения.

После блестящей защиты диссертации Денисенко оставили на кафедре истории КПСС в РГПИ, где он дорос сначала до старшего преподавателя, затем доцента. Перед переходом на работу в СПбГУ Владимир Павлович некоторое время работал на учебно-методическом отделе РГПУ им. Герцена. В этот период мне особенно часто довелось с ним общаться. Интересно было наблюдать, как живо, непосредственно и активно он воспринял перемены в нашем обществе, которые начались в конце 1980-х годов. Видно было, что он чувствует себя как рыба в воде в ситуации, в которой многие из нас потерялись. Интересно, что у него наметилась даже предпринимательская жилка — это было совсем неожиданно, поскольку гуманитарии, как правило, люди совершенно непрактичные и не способные на какую-либо деловую активность.

С конца 1980-х годов, когда историки получили новые возможности в интерпретации прошлого нашей страны, Владимир Павлович активно подключился к этому процессу и в сфере исключительно сложной — в соавторстве он выступил автором школьного учебника. Этот его опыт практически единогласно признают весьма удачным. Данный учебник до сих пор используют в учебном процессе.

Кроме упомянутого учебника, также и ученые труды Владимира Павловича отличаются высоким профессиональным кругозором, широким использованием ставших доступными документов и материалов, научно-объективным изложением фактов и событий. Владимир Павлович вел большую и разнообразную научно-организаторскую деятельность, пик которой как раз приходится на его переход в Санкт-Петербургский университет, где он, по поручению декана, возглавил кафедру истории славянских и балканских стран.

По всей видимости, поездка в Польшу в студенческие годы произвела на Владимира Павловича неизгладимое впечатление и повлияла на этот выбор направления его научной карьеры. Могло сыграть определенную роль и то обстоятельство, что Владимир был дружен с поляком — бывшим офицером польской армии, находившимся в университете на курсах повышения квалификации, даже ездил к этому поляку в гости в Краков. Несмотря на то, что этот поляк был военным, он довольно критически относился к происходящему в Польше (это было время расцвета деятельности «Солидарности»), что воспринималось Владимиром Павловичем с пониманием и было предметом обсуждений с нами, его коллегами. Эти обсуждения происходили довольно открыто, что

было совершенно необычно для того времени, что особенно запало в памяти и время от времени всплывает в беседах с бывшими сокурсниками и коллегами.

Владимир Павлович Денисенко был прекрасным семьянином, в чем не раз приходилось нам, его друзьям, убеждаться. Он был прекрасным отцом своим двум сыновьям, которых он постоянно опекал и помогал в выборе жизненного пути и в реализации задуманного. Характерно, что, по всей видимости, под влиянием отца оба его сына избрали профессию историка...

В свои 50 с небольшим Владимир Павлович был полон энергии и всевозможных планов, которым вследствие нелепой случайности не суждено было сбыться...

Д. Е. Алимов

МОЙ ПЕРВЫЙ НАЧАЛЬНИК

Личный опыт есть личный опыт. Он, разумеется, у каждого свой. Но, думаю, не ошибусь, если предположу, что большинству из нас нечасто доводилось встречать на своем жизненном пути людей, чьи душевные качества вызывали бы искреннее, глубокое восхищение. Мне посчастливилось не только встретить такого человека, но и работать под его руководством: Владимир Павлович Денисенко навсегда останется для меня образцом — образцом ученого, преподавателя, руководителя и — пожалуй, главное — образцом Человека.

Готовность Владимира Павловича вникать в чужие проблемы и реально, действительно помогать, не дожидаясь просьб, поражала. Как-то я сидел на кафедре в дурном настроении, обсуждая со студентами пути решения острой, неприятной проблемы: в гостинице не хватило мест для уже готовых к отбытию участников студенческой конференции. Решение так и не находилось. Вошел Владимир Павлович. Погруженный в свои мысли, он тем не менее прислушался к нашему разговору и моментально «просек» ситуацию. Он сам позвонил директору гостиницы, и через минуту проблема, казавшаяся неразрешимой, была решена.

Владимир Павлович обладал удивительным, поистине редкостным талантом — талантом эффективно управлять, не прибегая к повелительному тону. Всякая авторитарность была ему абсолютна чужда. Первые годы работы кафедры проходили в

В. П. Денисенко на экскурсии в Рейхстаге

решении многих объективно стоявших перед молодой кафедрой проблем. Споры на заседаниях бывали жаркими, и, казалось, только Владимир Павлович сохранял мудрую рассудительность. «Как приятно, что у нас на кафедре такая творческая атмосфера», — бывало говорил он с доброй улыбкой, когда мы в пылу спора забывали обо всем на свете.

Буквально каждый эпизод моего общения с Владимиром Павловичем оставлял у меня приятное, радостное впечатление. Я мог бы рассказать о том, как, заметив мою усталость в конце учебного года, он подбадривал меня, говоря, что первый год на преподавательской работе самый трудный, как тепло и увлеченно он обсуждал со мной перспективы сотрудничества с балканскими странами после встречи с послом Боснии и Герцеговины...

Однажды я зашел по делам на факультет летом в субботу в самый страшный зной и встретил на кафедре Владимира Павловича. Было видно, что он устал и решает какие-то очередные проблемы. В ответ на мое удивление — ни субботний день, ни воцарившаяся погода явно не склоняли к напряженному труду — Владимир Павлович улыбнулся своей неизменно доброжелательной улыбкой и сказал, что любит по субботам поработать на кафедре в спокойной обстановке. Это была моя последняя встреча с ним. Через считанные дни его не стало.

Добросовестный ученый, любивший науку, а не себя в науке, ответственный руководитель, не щадя здоровья радевший о деле, но всегда исключительно деликатный в общении с подчиненными, отзывчивый, добрый и глубоко порядочный человек — можно ли подобрать понятие, которое бы вобрало в себя все эти качества? Богат наш язык словами и смыслами и, мне кажется, такое понятие в нем есть: настоящий российский интеллигент — вот кем был Владимир Павлович Денисенко.

В. В. Василук

НЕИЗБЫВНАЯ ДОБРОТА

Говоря о Владимире Павловиче Денисенко, невольно вспоминаешь слова Н. А. Некрасова:

Русский гений издавна венчают
Те, которые мало живут,
О которых народ замечает:
У счастливого недруги мрут,
У несчастного друг умирает.

К сожалению, не так долго довелось мне с ним общаться. Наше знакомство произошло в коридоре исторического факультета в сентябре 2003 года. Тогда я только устраивался на работу на новообразованную кафедру истории славянских и балкан-

ских стран и искал декана, Андрея Юрьевича Дворниченко, как тогда я думал — одновременно и заведующего кафедрой. Ко мне подошел бородатый человек небольшого роста, чем-то напомилавший императора Николая II, и сказал: «Владимир Владимирович? Я — ваш заведующий». «А как же Андрей Юрьевич?», — растерянно спросил я. «Он решил назначить исполняющим обязанности заведующего меня. Не волнуйтесь», — доброжелательно успокоил он меня.

Вместе с ним мы проследовали на третий этаж в 110 аудиторию, где находилась редакция «Санкт-Петербургские Универсанты» и где тогда размещалось помещение кафедры, что называется, на коммунальных началах. В то время нам принадлежал там один стол и шкаф. Там с коллегами мы обсудили курсы, которые следовало читать, и расписание.

Всем, кто с ним общался, Владимир Павлович запомнился особенно дружественным, сердечным расположением и теплотой души, деликатностью в обращении. Таково было и мое первое впечатление, и оно не обмануло меня до конца.

Посреди серых житейских буден, «текучки», общение с Владимиром Павловичем всегда являлось светлым моментом в моей жизни (думаю, что коллеги меня поддержат). Когда он входил в аудиторию и говорил: «Прошу пardonу» или что-либо в таком роде, например: «Здравствуйте, господа “енералы”!», сразу как-то становилось легко на душе. В его стиле руководства всегда удивляло и радовало особое тонкое отеческое отношение: он вникал в нужды и проблемы подчиненных и относился к ним, как к своим собственным.

Когда у меня родился сын, любимым вопросом Владимира Павловича было: «Ну как там дядя Федор?» Когда становилось особенно тяжело на душе, он умел несколькими фразами снять напряжение, успокоить и воодушевить. Его любимая фраза была: «Ничего, Володя, Владимир Владимирович, прорвемся».

Говорят, что «хороший человек — не профессия». Думаю, что это — глубочайшее заблуждение. Как хороший человек, Владимир Павлович был и великолепным руководителем. Именно благодаря ему мы, бесприютные скитальцы, в конечном счете получили помещение для кафедры, обзавелись оргтехникой и литературой. За книгами Владимир Павлович однажды ездил сам, на собственной машине — спасать их от уничтожения при расформировании какой-то районной библиотеки на Московском проспекте.

Естественно, все приобретения требовали долгой рутинной административной работы, бесконечных походов к декану, траты сил и нервов и т. д., и т. п. И Владимир Павлович шел на все это с подвижническим настроем, не щадя своего далеко не богатырского здоровья (у него было слабое от природы сердце).

Когда я, бывало, робко говорил ему, что нельзя же все время заниматься делами кафедры, надо бы и докторскую написать когда-нибудь, он неизменно отвечал: «Владимир Владимирович, надо позаботиться вначале о Родине, а затем уж и о себе». Была

В. П. Денисенко (слева) с коллегами по работе: Т. В. Бурковой (в центре) и В. П. Седых (справа).

в нем такая старорусская служивая струнка, в чем-то он напоминал капитана Тушина из романа Льва Толстого «Война и мир». При этом, жертвуя своей карьерой, он делал, что было в его силах для нашего продвижения.

Зачастую Владимир Павлович целые дни проводил на кафедре и на факультете, тратя время на умиротворение страстей, снятие стрессов и конфликтов среди членов кафедрального коллектива. Можно без преувеличения сказать, он создал тело кафедры, но он же и вдохнул в нее дух. Он объединял нас таких непохожих и противоречивых, прививал нам чувство коллегиальности, уважения и внимания друг к другу. Его отношение к коллегам было удивительным: при том, что он, разумеется, реально оценивал потенциал и заслуги каждого из сотрудников кафедры, для него все были в конечном счете равны и он не выделял никого, чтобы не вносить раздор в коллектив.

Традиционной фразой Владимира Павловича на заседаниях кафедры было: «У нас создан яркий коллектив. Все работают очень хорошо». Он был всегда доброжелательно внимателен и не упускал случая поздравить абсолютно всех нас с тем или иным большим праздником, скажем, с Рождеством или Новым годом.

В результате во время его заведывания кафедра развивалась быстрыми темпами. Ряд конференций (в том числе международных), основание двух научных центров — истории Украины и центра исторической психологии — говорит само за себя.

Особо следует сказать о центре исторической психологии. Это — действительно детище Владимира Павловича. Случайный разговор о необходимости кафедры исторической психологии он воплотил в стройную и целостную концепцию центра, в систему связей с уважаемыми профессорами философского и психологического факультетов, в целый ряд стратегических направлений.

Надемся, что это его детище будет расти и развиваться. В этой надежде нас укрепляет первая конференция центра — «Власть и Культура». Идею этой конференции задумал сам Владимир Павлович, и он же придумал ее название. Актуальность, значение и масштабность этой темы не вызывают вопросов. Уже по этой идее и формулировке можно понять способность Владимира Павловича проникать в суть вещей, улавливать главное и принципиальное.

Как историк, он был способен не только к тонким и глубоким наблюдениям, но и к широкому обобщению. Его последние работы о советско-польских культурных связях показывают не только социологический подход, принесенный им с кафедры истории КПСС, но и культурологический, а также этнопсихологические подходы. Судя по его последним работам, он напряженно размышлял над судьбами славянства, особенно трагичными в XX веке, думал о путях его интеграции. Незадолго до смерти Владимир Павлович ездил в Белоруссию на конгресс славянских народов и многое сделал для организации связей с белорусскими научными и учебными учреждениями. К сожалению, с его смертью эти контакты прервались.

Владимир Павлович был патриотом России в лучшем смысле этого слова — без позы и ярких, пышных слов, он проявлял «латентную теплоту своего патриотизма» в деле. В связи с этим вспоминается его работа над проектом бакалавриата. Многим, в том числе и мне, подобное начинание, пусть и спущенное с высших сфер, представлялось неконструктивным, учитывая отсутствие концепции бакалавриата, курс на «специалиста вообще» или «половинчатого специалиста», разрушение специализации. Владимир Павлович, участвуя в разработке проекта, стремился вырулить к «русскому

бакалавриату», насколько можно, спасти специализацию, сохранить традиции российского образования.

Владимир Павлович был человеком тонкой и чуткой души. Сам в жизни он много страдал, но берегся причинять боль другим. Вспоминается один эпизод: однажды я перенес время экзамена, не поставив в известность деканат и заведующего. Как на грех нагрянула проверка из ректората, именно в этот день и час. Был шум. Но сам Владимир Павлович, несколько пострадавший в этой ситуации, не имел духа меня распекаль: он позвонил Е. Н. Метелкину и сказал: «Отчитай его».

Предчувствовал ли он свой скорый конец? Неизвестно. С одной стороны, в последние месяцы и недели перед кончиной он был энергичен и деятелен, полон планов, работал над докторской диссертацией. Но иногда при разговорах он говорил мне: «Володя, Владимир Владимирович. Поставь за меня свечку». И в связи с этим хотелось бы упомянуть об одной стороне, может быть, не очень известной окружающим: он был человеком верующим, православным, не особо раскрывая это перед окружающими. Вера его выражалась в делах, в том добром и светлом начале, которое он нес на факультет.

Когда вспоминаешь его, на ум приходят строки Ш. Руставели:

Зло мгновенно в этом мире,
Неизбывна доброта.

Вечная ему память!

Е. В. Ильин

«ИСКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ ДОБРОСОВЕСТНОСТЬ И ПОРЯДОЧНОСТЬ...»

С Владимиром Павловичем Денисенко мы познакомились десять лет назад. До этого, что называется, мы были мельком знакомы. Но в процессе работы мы узнали друг друга достаточно хорошо. Можно отметить, что Владимира Павловича отличали исключительная добросовестность и, это надо особо отметить, порядочность. С ним было работать легко. И я не побоюсь сказать, даже весело. Последнее касается, в первую очередь, нашей деятельности в приемной комиссии исторического факультета, в составе которой работал Владимир Павлович, занимаясь приемом экзаменов у студентов внебюджетной формы обучения.

Заседания кафедр, которые у нас проходили, отмечались краткостью и деловитостью. И во многим мы обязаны этим Владимиру Павловичу. Как только кто-то из сотрудников кафедр начинал, что называется, лить воду, Владимир Павлович начинал энергично говорить, что надо быстрее решать ту или иную проблему. Когда он возглавил новую кафедру истории славянских и балканских стран, я этому искренне

обрадовался и наблюдал со стороны за его деятельностью. И мне было весьма приятно, что кафедра достаточно быстро встала на ноги, прошла организационный этап своего становления.

Как мне представляется, Владимир Павлович работал на износ. Во время наших встреч он постоянно говорил о том, что работы невпроворот, и что он сильно устает. Оценивая мою деятельность, он как-то сказал, что я являюсь совестью факультета. Я весьма сильно этому удивился, но мне такая оценка была весьма приятна.

Последний раз я встретил его буквально накануне безвременной кончины. Когда стало известно, что Владимир Павлович умер, я был потрясен, и мне кажется, что сегодня на кафедре истории славянских и балканских стран не хватает именно такого порядочного, тактичного и деятельного руководителя.

М. А. Плисткаина

НЕСКОЛЬКО ВОСПОМИНАНИЙ О В. П. ДЕНИСЕНКО

Владимира Павловича я помню с I курса. Когда я поступила в 2003 г. на истфак, то решила, что пойду на кафедру истории славянских и балканских стран. Решила, что мне интересен этот регион в целом и история Польши, в частности. Подхожу к нему в коридоре второго этажа и спрашиваю: «Кто из преподавателей кафедры изучает историю Польши?» Владимир Павлович перечислил всех преподавателей, а в конце сказал, что он тоже специализируется по этой стране.

Я в жизни не могла себе представить, что сам заведующий кафедрой предложит мне изучать историю Польши под его руководством. Я-то знала, что он никого в подопечные к себе не брал. А тут Владимир Павлович спокойно говорит: «Маш, давай ты будешь у меня. Тему я тебе обдумаю. И ты думай. Задачу поняла?» Я, соглашаясь, киваю головой. Владимир Павлович запомнил мое имя (впрочем, как и все имена только что поступивших ребят) с первой нашей встречи — с собрания студентов I курса вечернего отделения. Так я и оказалась под руководством заведующего кафедрой.

Владимир Павлович дал мне свои номера телефонов, взял мои и сказал, что если будут вопросы, то я могу ему звонить. Он также спросил меня, почему я на вечернем отделении. Я ответила, что поступала на дневное отделение журналистики сразу же после школы, набрала 13 баллов, а проходной был 14. Была огорчена, расстроена. Потом поняла, надо поступать во что бы то ни стало в этом же, 2003 году, в университет. Взяла и подала документы по совету папы (папа сам закончил истфак) на исторический факультет, на кафедру истории славянских и балканских стран (кафедру выбрала сама). Поступила без проблем на наш факультет с 14 баллами.

Владимир Павлович выслушал внимательно и сказал, что мне на журналистике делать нечего. Он улыбнулся мне, и на душе стало тепло.

Владимир Павлович очень хотел, чтобы я перешла на дневное отделение после первого курса. Я сдала сессии без троек, работала в приемной комиссии, а затем подала документы на перевод на дневное отделение летом 2004 года. Конкурс был 3 или 4 человека на место. Я стояла в коридоре около аудитории и ждала результатов заседания комиссии. Чуть позже из этой аудитории вышел Владимир Павлович и сказал, что все получится. Я перевелась на дневное отделение на втором курсе.

На следующий день я шла по коридору исторического факультета абсолютно счастливая со свертком на руке. Это был не коньяк, не коробка дорогих конфет, не подарочная ручка. Я несла синий изящный ирис, завернутый в бежевую бумагу. Я зашла на кафедру и подарила ирис Владимиру Павловичу. Я никогда в жизни не дарила цветы мужчине. Я так долго выбирала цветок: он должен был быть простым и элегантным, не вычурным и не пошлым. Все цветы казались мне «женскими». А ирисы? Когда я вручила Владимиру Павловичу ирис, то он был удивлен: «Маш, разве мужчинам дарят цветы?» А я ответила: «Конечно, дарят. Спасибо за помощь и понимание». Он улыбнулся в ответ и посмотрел на меня своими голубыми глазами.

Владимир Павлович всегда помнил по имени каждого студента. Периодически он собирал всех нас и рассказывал о задачах и планах на будущее. Никто из нас, студентов, не видел, чтобы он был не в настроении, хмур, недоброжелателен. Он был всегда спокойным, рассудительным и удивительно мудрым по отношению к своим подчиненным. А кто мы, студенты, для заведующего кафедрой?

Мы не были для него просто «низшим» звеном в системе университетского образования. Каждый из нас был для Владимира Павловича личностью, которой надо было помочь раскрыть себя. Он всех нас называл на «ты», по имени, без отчества и фамилии. И это не резало слух, не казалось нам чем-то необычным. Что-то родное было в его интонации голоса, в его простых вопросах «Как дела?» или «Как курсовая работа?»

Владимир Павлович никогда не допускал ни фамильярности, ни панибратства — это было чуждо его природе. И мы, безусловно, ценили и уважали его. Я ни разу ни от кого не слышала плохого отзыва о нем. Для меня Владимир Павлович был не просто научный руководитель. Сложно сказать, но я испытывала к нему больше, чем уважение. Для меня он был всегда «научным родителем», который не бросит меня, который будет относиться ко мне и строго, и справедливо, и по-отечески тепло.

Каждый раз после встречи с ним я приходила домой и рассказывала родителям о Владимире Павловиче. На вопросы: «Кто у тебя научный руководитель?», я всегда отвечала: «Самый лучший. Он такой...» Все мои друзья знали, что у меня «какой-то необыкновенный» научный руководитель, раз я о нем рассказываю с таким вдохновением. Можно много вспомнить историй, связанных с Владимиром Павловичем. Хоть я и знала его всего три года, а воспоминаний накопилось много. Кажется, что три года — это так мало, а потом понимаешь, что три года — это словно миг и вечность одновременно.

Когда я узнала вечером 15 июля 2006 года, что Владимира Павловича больше нет, я не хотела верить. Я перезвонила Ларисе Михайловне Аржаковой (преподавателю с нашей кафедры), а она ничего об этом не слышала. Я говорю, а сама не верю, а Лариса Михайловна тем более мне не верит.

Я была на его похоронах и поминках. Там были все. Все, кто его знал и любил. Я увидела впервые его замечательных родителей — двух почтенных стариков, которые

напомнили мне персонажей старой доброй сказки. Теперь я вижу подтверждение тому, что добро и свет могут передаваться из поколения в поколение.

Владимир Павлович не ушел, он перешел просто еще на ступень выше, туда, на небеса. С небес ему теперь еще лучше видно: любимая кафедра, друзья, коллеги и студенты. И каждому человеку Владимир Павлович дарил свое мудрое слово, свою любовь и свою поддержку.